ГОСУДАРСТВО
РЕЛИГИЯ
ЦЕРКОВЬ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В 2014 году в РАНХиГС отмечается сразу два связанных между собой юбилея: пятьдесят лет назад — в 1964 году — был основан Институт научного атеизма (на базе Академии общественных наук при ЦК КПСС), двадцать лет назад — в 1994 году — была основана Кафедра государственно-конфессиональных отношений (на базе РАГС). Мы публикуем небольшую беседу с *Ольгой Юрьевной Васильевой*, доктором исторических наук, заведующей кафедрой государственно-конфессиональных отношений, возглавлявшей ее с небольшими перерывами начиная с 2002 года. Беседа посвящена истории кафедры, а также новым задачам, стоящим перед ней на новом этапе развития.

Ольга Васильева

«Я против противопоставления советской и российской науки о религии...»

Olga Vasilieva:

"I am against opposing the Soviet and post-Soviet religious studies..."

Olga Vasilieva — Head, Chair of State-Confessional Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). nvvgav@mail.ru

*The conversation with Olga Vasilieva is devoted to the history of the Chair of State-Confessional Relations (*RANEPA*), and its predecessor, the Institute of Scientific Atheism. The interview marks the occasion of the double anniversary: fifty years of the Institute and twenty years of the Chair. Vasilieva discusses the issue of succession between the Soviet and post-Soviet studies of religion, as well as new tasks facing the Chair now.*

Keywords: study of religion in the USSR, Chair of State-Confessional Relations, Institute of Scientific Atheism.

В этом году в РАНХиГС сразу два юбилея, связанных с изучением религии: пятидесятилетие создания Института научного атеизма (ИНА) и двадцатилетие создания Кафедры государственно-конфессиональных отношений. Эти юбилеи связаны друг с другом лишь формально или же существует прямая преемственность между кафедрой и ИНА? Если эта преемственность все же существует, то в чем она проявляется?

На мой взгляд, речь идет именно о прямой преемственности. Я объясню, в чем именно она заключается. Речь идет не только о кадровой преемственности: Юрий Петрович Зуев, Ремир Александрович Лопаткин, Фридрих Григорьевич Овсиенко, Лема Ахмадович Баширов и многие другие — это люди, которые пришли в Институт научного атеизма совсем молодыми специалистами,

и работали там, а затем и на кафедре на протяжении всей своей жизни. То есть они являются воплощенным преемством.

Но все же главным фактором преемственности является продолжение научной школы. Здесь важно сделать пояснение: в восприятии обывателя «научный атеизм» был чем-то очень страшным, но на самом деле картина была куда сложнее. Начнем с того, что, как бы кто сегодня ни относился к атеистам, это определенная парадигма, которой придерживается значительное число граждан, в том числе и в нашей стране. Но главное, это научный подход. ИНА не был каким-то совсем открытым подразделением, начиная со дня своего основания сотрудники института занимались очень важной вещью — мониторингом и оценкой религиозной ситуации в стране, и те научные исследования, которые проводились в его стенах, имели гриф ДСП, то есть «для служебного пользования». Усилиями Вильяма Шмидта лучшие научные работы не так давно были рассекречены и опубликованы — общественность должна знать и помнить, чем именно занимался институт. Клеймо, навешанное на «научный атеизм», неоправданно. Если вы посмотрите на работы сотрудников ИНА, то они вполне объективны и глубоки по содержанию.

То есть вы принципиально против позиции, согласно которой создание кафедры это совершенно новый этап в развитии российской науки о религии в общем и науки о религии в стенах Академии в частности?

Ни одна научная школа не появляется на пустом месте. Кафедра это просто новая ступень, но истоки все равно уходят в прошлое. Поэтому я против противопоставления советской и российской науки о религии. Российская гуманитарная наука сильна преемством школ.

Но была же и очевидная идеологическая составляющая, которую трудно отрицать...

Но мы же не собираемся отождествлять идеологию с наукой. Мы говорим именно о науке. Если отбросить штампы, то ИНА все эти годы работал тихо, кропотливо, незаметно. Результаты данной работы и сформировали то зерно, которое в новых исторических условиях получило свое развитие.

Где хранится архив ИНА? Все ли было сохранено?

Архив находится в РГАНИ, практически весь. Фонд открыт, остается только найти исследователя. А вот те материалы, которые хранились на кафедре, были, увы, утрачены.

С какой целью двадцать лет назад в 1994 году на базе РАГСа была создана кафедра государственно-конфессиональных отношений?

25 октября 1990 года Верховный совет РФ отменил все правовые документы, регулировавшие отношения государства и религиозных организаций на территории страны. Начался новый этап религиозной жизни, когда начало расцветать все то, что долгие годы было под запретом. Новые вызовы требовали новых ответов, как прикладных, так и теоретических, соответственно, создание кафедры под руководством Николая Антоновича Трофимчука было вполне естественным. В частности, в этот период начинает достаточно быстро разрабатываться направление государственно-конфессиональных отношений.

Те цели, которые стояли перед кафедрой в момент ее создания, они сегодня те же самые?

Цели, конечно, во многом совпадают. Однако сегодня я бы обратила внимание на следующее обстоятельство: религиозное и национальное последние полтора десятилетия неотрывно друг с другом связаны. То есть разводить этническое и конфессиональное уже не совсем правильно, правильнее развивать этноконфессиональный подход. Я думаю, основное внимание следует уделять именно этому.

То есть речь идет о некотором смещении исследовательских акцентов...

Да, с государственно-конфессиональных на этноконфессиональные исследования. Это то, что диктует сама жизнь, это не искусственное смещение. Этническое и религиозное накладываются: я русский и я православный, я этнический мусульманин и я исповедую ислам.

Но помимо исследовательской задачи кафедра долгое время еще и выполняла функции связующего звена между людьми, вовлеченными в религиозную сферу со всей России.

Да, во-первых, шло постоянное обучение чиновников, занимающихся этой тематикой, во-вторых, с 90-х годов устраивались курсы для духовенства. Это был хороший опыт — обучали и православных, и мусульман, и буддистов, и протестантов. И это давало положительные результаты: программа, состоявшая из 72 часов, подразумевала не только теоретическую подготовку, но и знакомство в том числе с профильными комитетами и учреждениями исполнительной власти. То есть устанавливалась прямая связь. Это давало свои плоды. Кафедра гордится тем, что ее выпускники работают практически во всех регионах страны.

Но в какой-то момент программа дала сбой. С чем это связано? С коммерциализацией образования?

Есть некоторые отрасли, являющиеся дотационными по определению, и когда в 2000-х годах наши программы стали платными, то не у всех уже была возможность их пройти. За годы коммерциализации мы потеряли многих партнеров, потому что, как правило, это не самые обеспеченные люди и это не самая престижная специальность — не юриспруденция, не психология, не экономика, это совершенно особый сегмент гуманитарного знания. Хотя жизнь показывает, что там, где работают люди, имеющие профильное образование, этноконфессиональная ситуация более-менее спокойная.

Должна ли кафедра принимать участие в выработке религиозной политики государства? Как бы вы описали нынешнюю религиозную политику России, если таковая вообще есть...

Не уверена, что можно говорить о каком-то едином подходе в этой сфере. Скорее речь идет о различных региональных вариациях, носящих реактивный характер: есть проблема, есть поиск ее решения. Мне кажется, мы должны работать на опережение. Потенциал научной школы есть, и есть перспективы консолидиро-

ванной работы по выработке новой государственно-конфессиональной политики.

Собственно, кафедра уже предпринимала усилия в этом направлении. Я имею в виду «Концепцию государственной религиозной политики Российской Федерации», разработанную в 2003–2004 годах тогдашними сотрудниками кафедры Александром Кырлежевым и Александром Журавским под моей редакцией. На мой взгляд, концепция до сих пор не потеряла своей актуальности. Ее стоит еще раз оценить в контексте сегодняшнего дня и подумать, что можно сделать для ее улучшения.

Какие ключевые проблемы, подходы, направления в науке о религии вы могли бы выделить? Помимо уже упоминавшейся этноконфессиональной проблематики.

Прежде всего, необходимо понять парадокс религиозного сознания: если брать социологические опросы, то верующими себя называют, причем упорно называют, вплоть до 87 процентов опрошенных. Однако в зарегистрированных религиозных организациях такого процента просто нет. И практикующих верующих в таком количестве тоже нет. Получается, что мы имеем дело с некоей скрытой религиозностью, требующей своего осмысления.

Кроме того, религиозные организации сегодня приобретают достаточно большое значение для жизни общества (феномен «публичных религий»). Причем тут есть как негатив, так и позитив. И это требует изучения — в том числе полевых исследований. А вот тут мы уже сталкиваемся с организационной проблемой — нет кадров. Мы теряем научные кадры — многие ушли, многие перестали работать в силу возраста. Специальность религиоведа едва ли можно считать престижной. Не знаю, как это исправить — возможно, здесь должна включаться реклама и рассказы о том, как важна эта специальность. Надеюсь, интерес скоро пойдет новой волной, по крайней мере объективная потребность в этом интересе уже сформировалась.

По поводу кадров могу лишь заметить, что их отсутствие это следствие отсутствия социальных лифтов — молодые религиоведы, даже самые талантливые, после окончания вуза сталкиваются с объективной нехваткой рабочих мест...

Да, большого количества специалистов не требуется. Однако рано или поздно ситуация утрясется — прикладных ставок будет открываться все больше. Жизнь диктует свои правила. В регионах люди с профильным образованием уже сегодня вполне успешно трудоустраиваются. Остальным я бы советовала не забывать о смежных специальностях.

И, наверное, последний вопрос — каково ваше отношение к теологии как научной дисциплине?

Это университетская дисциплина, которая в университетах Европы существует уже с конца XIII века. Когда я была в Тринити колледже (Оксфорд), меня удивил тот факт, что программы по теологии пользуются большим спросом. И на вопрос, почему так происходит, я получила парадоксальный ответ: если мы научим теологии, то мы можем научить и всему остальному. Это мировоззрение. Так что если можно сделать грамотные программы, то почему бы и нет, в том числе в стенах нашей Академии.

Беседовал Дмитрий Узланер